

«Бежали посредством взлома...»

26 НОЯБРЯ 1913 г. произошло необычайное событие, всполобившее весь чиновный мир Пскова: в 5 часов 30 минут вечера из каторжной тюрьмы, расположенной на Кахановском бульваре, бежали сразу 10 арестантов - бессрочные каторжане Михаил Воробьев, Савелий Гужеленко, Дмитрий Лабковский, Андрей Зюба, Николай Метлин и осужденные на различные сроки заключения (от 12 до 30 лет) Устин Мисевич, Петр Карих, Тарас Гуров, Прокофий Романько и Павел Кишятков.¹ Все они, за исключением Воробьева, происходившего из крестьян деревни Дрыкотки Вышгородецкой волости Островского уезда, уроженцами Псковской губернии не являлись. Осужденные в различных районах страны (большой частью за уголовные преступления), они были направлены в Псков для отбытия сроков за стенами известного своей «системой» исправления каторжного централа. Но среди бежавших было и несколько «политических». Так, Н.Метлин приговорен Петербургским военно-окружным судом «за убийство из засады на партийной почве» к смертной казни, замененной впоследствии бессрочной каторгой; А.Зюба осужден Воронежским временным военным судом «за государственные преступления и два разбойных вооруженных нападения на волостное правление», а Т.Гуров - Екатеринославским военным судом «за соучастие в сообществе, составленном для посягательства на изменение в России установленного основными законами образа правления».²

Побег был совершен из нижнего этажа двухэтажного здания военно-сапожной мастерской (существовала с 1910 г.) посредством пролома кирпичной стены, отделявшей машинный зал от склада «готовых и принятых военным ведомством сапог», в котором одно из окон не имело решетки и выходило на административный двор недалеко от выходных ворот. Осуществить пролом не представляло большого труда: когда-то в этом месте существовал канал дымохода, не заполненный при ремонте в 1912 г. кладкой, а всего лишь заделанный тонкой, в полкирпича, перегородкой. Ремонт здания производился трудом заключенных и, надо полагать, о существовании незаделанного дымохода им было известно. В целях сокрытия работы над проломом в мастерской, вплотную примыкавшей к деревянной будке с двумя электромоторами, арестанты постепенно складывали сапоги и навалили их выше человеческого роста. Заглушал работу над проломом шум от электромоторов и станков. Вдобавок помогли арестанты, работавшие в мастерской (25 человек), под разными предлогами отвлекавшие внимание надзирателей и мастера.

Беглецы были из разных отделений и пробирались в склад поодиночке, откуда вышли через окно уже группой. Калитка в воротах административного двора ввиду большого движения (здесь проживала основная масса служащих с семьями) не запиралась, а снаружи охранялась лишь одним надзирателем. Пробравшись гуськом вдоль стены к воротам, арестанты прошли через калитку, быстро пересекли улицу и как были - в легкой арестантской одежде - побежали в поле. Четверо из бежавших успели сбить заклепки с кандалов и снять их. Начавшаяся снежная буря и густые сумерки надвигающейся ночи скрывали их... Ни надзиратель, ни часовой ничего не заметили. Лишь одинокий привратник успел раз выстрелить, но безрезультатно. Погоня не увенчалась успехом, и розыски были переданы полиции.

Филимонов Анатолий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического института им.С.М.Кирова.

Такой массовый побег заключенных в истории Псковского централа случился впервые, всерьез напугав тюремное начальство и местные власти. Засуетились в канцелярии губернатора, полицмейстера и сыскного отделения, полетели телеграммы уездным исправникам, соседним губернаторам, сообщили министру внутренних дел. На всех бежавших были срочно составлены розыскные ведомости с подробным изложением их «преступлений» и указанием примет.

Спустя час после случившегося, у Рижского железнодорожного моста был задержан один из бежавших - П.Кипятков, благодаря чему точно установили, что один арестант бежал по направлению к Петербургу, а остальные восемь прошли через мост по Псково-Рижской дороге на стрельбище. Губернатор барон Н.Н.Медем с полицмейстером и уездным исправником Псковского уезда выработали план действий, на помощь полиции вызвали войска.

На поезде до станции Торопино была послана рота солдат 93-го пехотного Иркутского полка, пешком туда же - другая рота. Первую из них сопровождал псковский исправник, вторую - помощник пристава Пскова Иванов. По направлению к Изборску двинулись стантовые приставы Псковского уезда Устинов и Ткаченко со стражниками и конными разведчиками Иркутского и 96-го пехотного Омского полков. Навстречу конным отрядам, двигавшимся между рекой Великой и шоссе, шли высланные вперед на поезде на полустанок Могилино две роты Иркутского и 94-го пехотного Енисейского полков. На случай прорыва сквозь цепь около Пскова был выставлен заслон из двух рот того же Енисейского полка с псковским исправником Бугаевским. Для опознания бежавших в случае их переедания при отрядах находились надзиратели каторжной тюрьмы.

Отряды двигались с таким расчетом, чтобы, обойдя флангами местность между берегом реки и полем, образовать сомкнутое кольцо и не пропустить беглецов в большой лес, находившийся в 20 верстах от Пскова, а также в Островский уезд, где М.Воробьев, как тамошний уроженец, хорошо знал местность и мог рассчитывать на поддержку населения (как уже было однажды, когда он «несколько лет назад тщетно разыскивался полицией после своего первого побега из Островской уездной тюрьмы⁴»). О том, что из тюрьмы бежали «опасные преступники», были оповещены железнодорожная путевая охрана и население всех окрестных деревень. В последних устроили вооруженные патрули из крестьян и стражников, для объединения действий полицейских Островского уезда на противоположном берегу Великой был вызван находившийся по делам службы в Опочке начальник Псковского сыскного отделения Янчевский.

Все это происходило в условиях бурной снежной ночи, сменившейся к утру оттепелью с холодными дождями. Непогода затрудняла действия войск и полиции, но не сослужила добрую службу и беглецам. Торопинский отряд утром 27 ноября обнаружил на снегу следы неизвестного человека, которые привели к Черняковицам. Там выяснилось, что «какой-то человек просил хлеба и затем по полотну направился к Торопину⁵», но до станции не дошел. Обнаруженный на 244-й версте в железнодорожной будке без «пашпорта» неизвестный человек оказался заключенным Н.Метлиным.

В тот же день около полудня крестьянин деревни Снегирево Логазовской волости (12 верст от Пскова) П.Кузьмин, обходя свои хозяйственные постройки, обнаружил в хлеву зарывшегося в сено и отставшего от группы А.Зюбу. Несмотря на сопротивление, он был связан и передан полиции. Около 3 часов вечера в селении Малая Барановка-Буяновка той же волости (15 верст от Пскова) в сенном сарае А.Карпова были обнаружены все остальные 7 человек. Крестьяне деревни М.Буяновка, насчитывающей четыре двора, сообщили жите-

лям соседних деревень. Собралось более 100 крестьян, которые окружили сарай и не выпускали продрогших, уставших беглецов до прибытия полиции.⁶ Прибывшие полицейские, установив личности задержанных, связали их и на подводах под личным наблюдением исправника доставили обратно в тюрьму. Беглецы побьбли на свободе, таким образом, всего сутки.

Признанные виновными в случившемся понесли наказание. Так, тюремный инспектор, производя дознание о побеге, записал, что «начальник каторжной тюрьмы надворный советник Знаменский за три месяца своего управления тюрьмой ни разу не произвел под своим руководством повального обыска тюрьмы с осмотром окон, полов, потолков, решеток и т.д. Обыск 20 ноября был поручен штатному помощнику Шапурову, который прибыл из Ковельской тюрьмы 12 ноября. Склад готовых сапог Шапуров не осматривал...».⁷ Знаменского рекомендовано было освободить от должности,⁸ «привратник, младший надзиратель Андреев, мимо которого прошли через калитку арестанты, уволен 26 ноября»⁹, была усилена охрана мастерских: «Во избежание дальнейших побегов против склада на административном дворе учрежден особый надзирательский пост, вместо деревянной ставни установлена железная решетка с наружным висячим замком. Усилен надзор внутри помещения».¹⁰

А «щедрый» губернатор барон Н.Н.Медем раздавал за поимку беглецов награды - крестьянам по 2 рубля каждому, конным стражникам - по 5, нижним чинам полиции - по 15, чинам войск - по 75 и т.д.,¹¹ особо поблагодарил начальника 24-й пехотной дивизии: «Указанную задачу воинские части совместно с чинами полиции выполнили самым блестящим образом, совершенно забыв об отдыхе и пище, вследствие чего бежавшие арестанты были задержаны менее чем в одни сутки».¹²

Материалы о побеге, розысках бежавших, следственные документы составили внушительное «Дело», хранящееся в фонде канцелярии губернатора в Государственном архиве Псковской области (ф.20). На это «Дело» еще в 20-х гг. обратил внимание сотрудник Истпартадела Н.Баллод,¹³ хотя использовал его неполно и не совсем критично. Документы его легли и в основу настоящей статьи.

Примечания

1. ГАПО. Ф.20, оп.4, д.292, л.27.

2. Там же. Л.2, 7, 8, 11.

3. Там же. Л.27.

4. Там же. Л.28.

5. Там же. Л. 40.

6. Там же.

7. Там же. Л.34.

8. Там же. Л.38.

9. Там же. Л.37.

10. Там же. Л.36.

11. Там же. Л.50-52.

12. Там же. Л.19.

13. Баллод. Побег из царской тюрьмы // Псковский набат, 1929, 30 апреля.